

«Белая чайка» за океаном

Новогодняя ночь 1923 года застала труппу Московского Художественного театра на борту трансатлантического парохода «Мажестик», в пути между Шербургом и Нью-Йорком. После триумфального выступления в Париже русские артисты плыли на гастроли в Америку.

Под вечер, в затишье сумерки, парход поплыл к американскому берегу. Сиял ветер, бушевала пурга, у ботинного мота тяжело вздыхали волны.

Около суток Нью-Йорк был для москвичей «на замке».

С фотографии, запечатлевшей Станиславского в то утро на палубе «Мажестика», на нас смотрят худ-подмурно напуганные бровей его уныне, пропитательные глаза. В его взгляде сквозит горечь, досада и недоумение.

Когда автомобиль Станиславского толкнулся с пристани, на подножку вскакивал полицейский. Так под конвоем ехал К. С. Станиславский через весь Нью-Йорк до 56-й улицы, до отеля «Чорнхилл».

В письме к Вл. И. Номировичу-Данченко Константин Сергеевич с горькой иронией сообщает:

«Прекрет полиция прислал великодушного полицмана для того, чтобы сопроводить меня с парохода. Итак, я, точно арестованный, ехал о полицейей...»

Так Америка встретила на своей земле прославленный русский театр и его руководителя! Встреча МХАТ'а с американским народом произошла несколько позже...

Ровно в 8 часов 8 января над рампой «Джонсон-театра» возникла златея с белой чайкой, и в глубине сцены раздался мягкий, задумчивый голос царя Федора — Павла Москвина...

Зрительный зал был переполнен. Как ата публика, прирученная к шумным, безукрупным «ревю» типа «Ипподром», воспринимает МХАТ с его правдивым реализмическим мастерством? Этот вопрос возмозвал всю труппу и самого Станиславского. Тре-

вога усилилась после того, как между первой и второй картинами, по оплошности рабочего сцены — американца, но времени были подняты занавес. Дальше спектакль шел ровно, картина сменяла картину, в перерывах слышались радкие хлопки из зрительного зала. За кулисами нарастало предчувствие полного провала. В антрактах Станиславский, подыкая ощущение недовольства и разочарования, успокаивал и подбадривал актеров, хотя для него уже было очевидно, что американская публика не поняла искусство МХАТ'а и что не стоило переплывать океан.

И вдруг, в последний момент, как только умок колокольный звок финальной сцены и упал занавес, в зале раздался бурные аплодисменты. Актеры, еще не вери тому, что случилось, в недоумении переглядывались, прислушиваясь к диким, истонным крикам, несущимся из-за занавеса. Реакция зрительного зала была неожиданна и неожиданным! Дали занавес. На сцену полетели цветы. Благодарные зрители, как дань высшего признания, возлагали к ногам Станиславского лавровые венки. Американцы, которые, как правило, уходили из театра, не дожидаясь конца представлений, теперь, по окончании спектакля, не хотели покидать зал. Занавес без конца взывался и падал, и снова взывался под неутраченных оваций, под восторженный рев толпы... Успех был полный и ошеломляющий!

Ночью в Москву Номировичу-Данченко полетела телеграмма, американцы поняли и оценили русское искусство... Так Московский Художественный театр открыл свой американский сезон.

★

Спусти неделю пышные декорации дворцовых покоев «Царя Федора» сменялись парами ночлежки «На дне» и вместо бояр, облаченных в парчу и соборя, перед зрительями возникли печальные сцены

дуэты людей, прикрытых тряпьем и рубашками. Кхе через неделю со сцены был показан «Вишневый сад», а потом «Три сестры»...

Спектакли шли при переполненном зале. «Джонсон-театр», рассчитанный на 1700 мест, но вместив всех желающих, МХАТ'у пришлось давать по два спектакля в день — утром и вечером.

Американские актеры, режиссеры и театральные деятели совершали в МХАТ паломничество; театр на углу 59-й улицы и 7-й авеню стал «театральной Меккой», своеобразной академией спянского искусства. МХАТ изучали, восхищаясь американскими актерами и режиссерами не только совершенством своего ансамбля и законченностью сценического мастерства, но и еще какой-то особой душевной чистотой, глубиной мысли и невиданной силой правды, которая звучала в каждой фразе, в каждом слове, слетающем с его подтекстов. Деятеля американского театра открывали в творчестве МХАТ'а то, чего не было на их сцене, и в один голос говорили о том, что «Московский Художественный театр — это даже не искусство, а откровение!» Весь артистический Нью-Йорк превращался в поклонения перед МХАТ.

Со всех концов Америки неслись настоящие восторги: «Приветайте же к нам!»

Ни один артистический ансамбль, ни один театр мира не имел такого головокружительного успеха, такого триумфа в Америке, как МХАТ!

Гастроли в Нью-Йорке продолжались до 1 апреля, затем театр выехал в Чикаго, оттуда в Филадельфию и в Бостон. Всюду спектакли шли с аляхандом. Вернувшись в конце мая в Нью-Йорк, МХАТ сыграл «прощальную» неделю и покинул Америку с тем, чтобы после гастролей по Европе снова вернуться еще на один сезон.

Искусство МХАТ — этого общепризнанного, лучшего театра мира, оставало му-

бокый след в театральном жизни Америки.

После американской гастролей МХАТ Оливер Сейлор в своей книге «Внутри Художественного театра» писал:

«Влияние Художественного театра на наш американский театр очень велико. Сейчас, пожалуй, еще трудно определить степень того влияния, которое Московский Художественный театр окажет в будущем на наш национальный театр».

А спустя десять лет, всю степень этого огромного влияния с предельной полнотой выразили актеры и режиссеры Нью-Йорского «Групп-театра» в своем письме к К. С. Станиславскому. Они писали:

«...В течение многих лет американский театр подобен ребенку, который не может научиться языку взрослых... Вы, Константин Станиславский, научили нас через посредство МХАТ и своей книги понимать кое-что на том языке, выразить которым должен научиться каждый актер, если он хочет, чтобы его речь звучала правдой. Чистота ваших заданий всегда возводилась нас. Ваша система всегда была высшей путеводной звездой. Наша большая надежда заключалась в том, что, научившись языку, на котором говорят актеры вашего театра, мы сумеем найти правильные слова для нашего народа, вашей страны и нашего времени...»

«...В день отъезда МХАТ из Америки множество людей чувственно московских артистов, подарили им американскую чистую и неизгладимую радость духовного и человеческого искусства».

Среди проложивших был розночальник современного американского театра Давид Беласко, прозванный «американским Станиславским». Он вынул из кармана Нью-Йорк Таймс и молча протянул газету. Там было опубликовано открытое письмо Беласко:

«...Спектакли МХАТ, которые я имел возможность увидеть, произвели огромное впечатление на мой ум и воображение... Спектакли Художественного театра — это исключительное явление современного театра. Они заставляют восхищаться и одновременно утомлять наших актеров, показывают нам, в каком направлении они должны совершенствоваться и какими должны

быть их методы... Зрители излюбил Художественный театр за ту правду, которую он несет. Актеры любят его еще и за то, что МХАТ продемонстрировал им, чем может быть искусство театра и каким путем можно достичь вершины мастерства, красоты, выразительности, силы...»

В последний раз они крепко пожали друг другу руки и расстались. Константин Станиславский уезжал на родину, в страну, где свободный театр принадлежит свободному народу. Давид Беласко оставался в Америке «менеджером», театральным трестом и судов», где театр, актеры и он сам, Беласко, безраздельно принадлежат владельцам театров и антрепренерам, где негласный судей — американский доллар — диктовал каждую реплику!

Четверть века минуло со времени триумфальных гастролей МХАТ по Америке.

Московский Художественный общедоступный театр достиг вершины сценического мастерства и стал полюблен народным театром. А американское театральное искусство пошло до крайнего упадка и вырождения.

«Кровавые пьесы» мракобесов Саргута, Томаса Вильямса и им подобных чередуются в американском репертуаре с плоскими, безукрытыми, лишеными мысли и человеческого чувства «развлекательными комедиями».

В американскую прессу то и дело прорываются протестующие вопли о «театральном голоде» в США, а «мечта» Оливера Сейлора о будущем американского национального театра остается пока несбыточной, ибо, как пишет журнал «Синейт Артрс», «американский театр, как факт общепризнанного значения перестал существовать...».

Лучшие, прогрессивные деятели американского театра, несмотря на гнет реакции, на угрозы и репрессии заправил Уолл-стрит, стойко и мужественно отстаивают прекрасные идеалы, записанные от МХАТ. Из вокры попрежнему обращены к этому самому передовому и самому человеческому театру мира.

Вл. КЕДРОВ.

• Менеджеры — предприниматели.

26 OKT 1948

МХАТ